

Зарин Андрей Ефимович

Захарка-стремянный

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Ефимович З.**
Захарка-стрелянный / Зарин Андрей Ефимович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
164 с.

ISBN 978-5-519-85693-5

ISBN 978-5-519-85693-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАЗРУШЕННЫЙ ЗАГОВОРЪ.

I.

Маленькій бѣглець.

Чуть занялась заря и солнце заиграло на золоченомъ крестѣ Успенскаго собора, какъ народъ московскій валомъ-повалилъ за Москву-рѣку на Болваново, гдѣ о ту пору находилось Лобное мѣсто.

Шли туда и купцы, и гости, и заѣзжіе люди, съ веселымъ гикомъ бѣжали посадскіе и кабацкая голь, съ ужасомъ и отвращеніемъ шли немногіе иностранцы, и на конѣ, окруженный боярами, ѣхалъ самъ царь, Іоаннъ III.

Шесть недѣль назадъ, въ тяжкихъ мукахъ, послѣ продолжительной болѣзни скончался любимый сынъ и наслѣдникъ царя, Іоаннъ Младшій. Лѣкарь Леонъ, привезенный изъ Венеціи, вызвался излѣчить его, ручаясь своей головой, и залѣчилъ его на-смерть, за что и царь рѣшилъ до конца выполнить договоръ.

И сегодня вся Москва собралась смотрѣть на казнь несчастливаго лѣкаря, и всѣ — отъ мала до велика, отъ самого царя до послѣдняго мужика — находили это законнымъ и правильнымъ.

Только иностранцы содрогались отъ ужаса и ду-

мали, что на свою погибель заѣхали въ эту страну, польстясь на выгоды.

Площадь шумѣла и волновалась.

— Такъ имъ и надоть, окаяннымъ!—гладя свою бороду, говорилъ толстый купчина. — Нако-сь! зелья всякаго насуетъ, инда брюхо треснетъ, а ему ништо! Нѣтъ, взялся за гужъ—не говори, что недюжъ! За-варилъ и расхлебывай!

— Такожды, — загнулсилъ дьякъ, — семь годовъ вспять нѣмчина Антона казнили.

— Того просто родные князя Даньяра зарѣзали.

— Оно такъ, а имъ-то царь-батюшка того нѣмчина съ головою выдалъ!

— Того подъ мостомъ зарѣзали. Я съ берегу глядѣлъ,—подтвердилъ, просунувъ голову межъ купцомъ и дьякомъ, ярыжка.

— Брысь!—произнесъ купецъ и хлопнулъ ярыжку по головѣ.

— Го, го, го!—загремѣли кругомъ.—Вотъ теперь ярыжка и съ прибылью!

— Ай, щедрый купецъ! Кому желвакъ, кому синякъ!..

— Ха-ха!

Среди толпы толкались и непремѣнные скоморохи.

Рыжій, одноглазый поводырь со своимъ товарищемъ, у котораго ноги были колесомъ, и двумя мальчишками, усиленно работая локтями, пробивались къ самому Лобному мѣсту, при чемъ кривоногій, держа мальчишекъ за плечи, то-и-дѣло шепталъ имъ:

— Какъ увидите, гдѣ кошель, сейчасъ дергайте за него!

Народъ, расталкиваемый могучими плечами рыжаго, тѣснился и ругался:

— Чего прешь, окаянный! Или на очередь торопишься?

— По емъ петля скучаетъ, а не топоръ!..

— Ишь, медвѣдь! Ужо мы ему, братцы, бока помнемъ!..

— Везуть! — пронеслось по толпѣ и вся толпа заволновалась, желая взглянуть на злополучнаго Леона.

— Работай! — сказалъ хрипло рыжій кривоногому и въ ту же минуту закричалъ изступленно: — держи его!..

Одинъ изъ ребятъ, пользуясь суматохой, вывернулся изъ рукъ кривоногого и стремительно бросился на-утекъ, скользя какъ ужъ межъ ногъ и подъ локтями.

Рыжій бросился за нимъ въ погоню, но толпа сдавила его; кривоногій стиснулъ оставшагося мальчишку за шею и завопилъ:

— Тать! держите татя!..

Но вниманіе толпы было поглощено зрѣлищемъ телѣги съ неудачнымъ лѣкаремъ, медленно подвигавшейся къ Лобному мѣсту.

Рыжій съ кривоногимъ выбрались изъ толпы и оглянулись: поле было пусто.

— Все равно, поймаетъ, — успокоительно сказалъ кривоногій, — куда ему — мальченокъ? — немыслимо, задѣваться.

— Ахъ, што-бъ ему! — проворчалъ рыжій. — Ужъ и будетъ ему баня!

— Шустрый мальченка! — пробормоталъ кривоногій, ухмыляясь.

А шустрый мальченка, едва выбрался изъ толпы, какъ подралъ во всю мочь, прямо, куда глаза глядѣли, радуясь, что уходитъ отъ своихъ мучителей.

Онъ промчался по берегу, побѣжалъ по пыльнымъ, кривымъ, пустымъ улицамъ и, наконецъ, махнулъ наудачу въ раскрытыя ворота какого-то дома, перебѣжалъ пустой широкой дворъ и спрятался подъ высокое крыльцо.

Сердце его билось, какъ муха въ паутинѣ; голова горѣла, а все тѣло покрылось потомъ и теперь знобило, но онъ приткнулся подъ ступенями лѣстницы и замеръ, какъ заяцъ подъ кустомъ, убѣжавшій отъ ястреба.

Прошло часа два времени, и дворъ вдругъ словно ожилъ. Послышались голоса, по ступенямъ крыльца быстро прошлепали чьи-то босыя ноги, зазвенѣли почти подлѣ мальчика ключи, и раздались крики:

— Господинъ ѣдетъ!— послѣ чего шумъ поднялся еще большій.

У маленькаго бѣглеца сжалось сердце отъ тоски и страха. Онъ прижалъ грязныя руки къ груди и весь скорчился, какъ вдругъ подлѣ него раздалось рычаніе и въ ту-же минуту страшный песъ съ лаемъ бросился къ нему. Мальчикъ въ ужасѣ закричалъ не своимъ голосомъ.

— Кто тамъ?—раздались голоса.—Волкъ, назадъ! Эй, вылѣзай! Тать, государь, забрался! волокн его! Егорка! Семка! да возьми батогъ!..

Кто-то оттащилъ страшную собаку и тотчасъ на мѣстѣ ея показался мужикъ въ пестрядинной рубахѣ.

Онъ грубо ухватилъ мальчика за руку и волокомъ вытащилъ его изъ-подъ крыльца.

Въ ту-же минуту раздался властный окрикъ:

— Что тамъ за свара?

— Татя изловили!— отвѣтилъ чей-то голосъ, и

грубыя руки встряхнули мальчика и крѣпко поставили на-земь, держа за плеча.

Мальчикъ поднялъ голову и увидѣлъ передъ собою свѣтлаго, сверкающаго доспѣхами воина.

На немъ была налобница и ярко вычищенные желѣзные латы; изъ-подъ нихъ виднѣлась алая шелковая рубаха; въ рукахъ у него была короткая плеть, у пояса сбоку кривая сабля. Онъ былъ красивъ и страшенъ: черныя брови надъ ласковыми глазами, черныя усы и борода вокругъ ласково смѣющихся устъ.

— Это-то и есть тать?—спросилъ онъ у толпившейся дворни и смотрѣлъ на пойманнаго.

„Передъ нимъ стоялъ мальчуганъ лѣтъ семи, восьми. Онъ былъ въ пестрядинныхъ штанахъ и длинной, рваной холщевой рубашкѣ; ноги его были босы, а голову покрывала шапка взлохмаченныхъ русыхъ волосъ. Онъ стоялъ, дрожа мелкою дрожью, и бросалъ исподлобья робкіе взгляды.

— Я его со скоморохами видѣлъ! — заговорилъ одинъ изъ челяди.—Подослали они его.

— И впрямь, онамедни онъ съ козой плясалъ,—заявилъ другой.

— Кто ты и зачѣмъ тутъ?—спросилъ его тотъ, кого звали господиномъ.

Мальчикъ всхлипнулъ и вдругъ, упавъ на колѣна, протянулъ къ воину свои худенькія руки и заговорилъ торопливо:

— Не отдавай меня рыжему! спрячь меня! Я убѣгъ отъ нихъ... они меня бьютъ... у-у-у!.. Я краденый... казнили... я и убѣгъ... и сюда... схорониться... Я не тать!.. Я Захарка... мальчикъ...

Его страхъ и отчаяніе тронули даже челядь.

— Какой онъ тать! — сказалъ воинъ. — Елизаръ, возьми его, накорми, одѣнь да обо всемъ разспроси получше. Потомъ мнѣ на сонъ расскажешь! а ты, Захарка, не бойсь! — сказалъ онъ ласково мальчику и пошелъ къ крыльцу.

Къ мальчику подошелъ старикъ, взялъ его за руку и повелъ, говоря:

— Пойдемъ, молодецъ, въ горенку! пойдемъ, болѣзный! Ишь, напужался какъ! Ну, ну, не плачь! Я тебѣ инбирнаго сбитня дамъ!

Мальчикъ вытеръ кулакомъ слезы и довѣрчиво пошелъ за старикомъ.

Дворъ, на который попалъ случайно Захарка, принадлежалъ царскому приближенному, родовитому князю и славному воину, Симеону Ивановичу Ряполовскому, женатому на дочери славнаго своимъ родомъ Ивана Юрьевича Патрикѣева.

Вернувшись съ казни лѣкаря Леона, гдѣ онъ находился въ свитѣ царя, князь сытно пообѣдалъ и прошелъ въ опочивальню, приказавъ позвать къ себѣ ключника Елизара.

Елизаръ вошелъ и, низко поклонившись, сталъ у притолоки двери.

Князь безъ сапогъ, въ желтой рубахѣ и ермолкѣ, лежалъ на лавкѣ и при входѣ Елизара сказалъ, позѣвывая:

— Ну, сказывай, што про нашего татя узналъ?

— Да, што, государь, — кашлянувъ въ руку, заговорилъ Елизаръ, — жалостень до ужасти этотъ мальченокъ. Слышь, такой-ли смышленный! Баить, что былъ въ достаткѣ у батюшки съ матушкой, да гдѣ-то въ лѣсу разбойники напали и его скрали. И будто

тѣ разбойники его этому рыжему поводырю продали, а тотъ его избоемъ бьетъ и голодомъ изводитъ и вмѣстѣ съ козой держитъ. Мальченка и убѣгъ. Плачетъ, молитъ: «не отдавай меня, дяденька!» Моя баба сама заревѣла, да и я...

Старикъ всхлипнулъ.

— А не вретъ?

— Гдѣ-жъ, государь! Божье дитѣ, семь годковъ какихъ-либо.

— Что-жъ, — согласился князь, — держи его и въ обиду не давай. Може, и родители сыщутся.

— То-то бы радость! — проговорилъ, перекрестясь, Елизаръ и тихо попятился изъ горницы, потому что князь уже храпѣлъ богатырскимъ храпомъ.

И мальчикъ Захарка сталъ жить у старика Елизара.

II.

У малолѣтняго князя.

Скучно и уныло въ царскихъ покояхъ и теремахъ.

Смерть Іоанна Молодого наложила скорбь на все близкое царскому роду.

Царь, угрюмый и мрачный, сидѣлъ въ своей дѣловой горницѣ, и хитрый дьякъ Курицынъ докладывалъ ему очередныя дѣла.

Между тѣмъ, царица Софья, изъ рода греческихъ императоровъ, Палеологовъ, сидѣла въ это время въ своей горницѣ, убранной по-иноземному, съ мягкой мебелью и зеркалами, и любовно глядѣла на 12-ти-лѣтняго сына своего — Василия, который игралъ въ горницѣ, строя изъ деревянныхъ брусочковъ хоромы.

— Скоро ужъ тебя, золотце наше, изъ терема уведутъ. Ишь, какой богатырь растешь! — глядя на мальчика, сказала старая нянька.

Софья нахмурилась.

— Вырастетъ, все равно здѣсь я ему горенку отведу...

— Не въ обычаѣ...—начала нянька.

— А у меня обычай свой! — отрѣзала Софья. — Мать для сына, что кровь и пища, а когда вокругъ вороги...

— Я, матушка, — сказалъ мальчикъ, укладывая брусокъ, — какъ стану царемъ, всѣхъ враговъ изведу!..

Его длинное, узкое лицо приняло злое выраженіе.

Глаза Софьи блеснули ласкою. Она улыбнулась и сказала:

— Глупый, глупый! тебя еще царемъ-то сдѣлать надоть. У тебя поперекъ дороги немало нагорожено всякаго...

— Это Митька-то? — спросилъ мальчикъ, и узкіе глаза его вспыхнули.

— Тсс! — остановила его мать.

А Митька, сынъ только-что умершаго Іоанна Молодого и Елены, внукъ царя, крѣпкій и розовый семилѣтній мальчуганъ, сидѣлъ въ это время въ горенкѣ у своей матери, у ея ногъ, на коврикѣ и, отбросивъ кубарь, который только-что гонялъ, грустно и ласково смотрѣлъ на свою мать.

28-лѣтняя красавица, она олицетворяла теперь печаль. Съ распущенными, чуть платкомъ прикрытыми волосами, блѣдная, въ старомъ сарафанѣ, сидѣла она недвижно и вполголоса причитала:

— Соколъ мой ясный, на кого ты насъ, сиротъ,

покинуль? Сгинемъ мы безъ тебя, какъ трава въ полѣ, изсушимся, какъ малые ручейки подъ солнцемъ! Кругомъ насъ вороги да недруги и нѣтъ намъ защиты... Разступись, мать сыра-земля! Отдай намъ сокола нашего могутаго, голубя яснопераго!..

Сидѣвшія въ горницѣ женщины всхлипывали, слушая ея рѣчи, и скоро глаза мальчика наполнились слезами.

— Мамонька,—заговорилъ онъ,—не плачь, брось кручиниться! Хочешь, я сказочника кликну. Онъ тебя распотѣшитъ!

Мать тихо положила ему руку на головку и тяжело вздохнула.

— О, несмыслъ ты мой! да о комъ кручина моя, какъ не о тебѣ, соколикъ? Былъ у тебя защитникъ и взяла его мать сыра-земля!..

— А дѣдушка? — сказалъ мальчикъ. — Онъ — царь!

— Дай, Господи, ему разумѣніе и пошли ему въ сердце любовь къ тебѣ, мой птенчикъ!

— Государыня,—сказала, войдя и поклонясь въ поясъ, сѣнная дѣвушка, — князь Семенъ Ивановичъ Ряполовскій о твоёмъ здоровьѣ спрашиваетъ.

— Зови его сюда,—отвѣтила Елена и быстро поправила платокъ на головѣ.

Дверь отворилась и въ горницу вошелъ Ряполовскій, въ фѣязи и широкомъ кафтанѣ. Онъ истово помолился на образа, поясно поклонился Еленѣ и, поднявъ на руки Дмитрія, крѣпко поцѣловалъ его, сказавъ:

— Здравъ буди, царевичъ!

Елена вспыхнула, а потомъ вздохнула.

— Царевичъ-ли? — сказала она.

— А то кто-же? — отвѣтилъ князь. — Не сынъ же римлянки! Того не бывало!